

Соотношение рационального и понятийного мышления в контексте философии науки XX века

Д. В. ВЛАСОВ

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ, СТАТИСТИКИ И ИНФОРМАТИКИ)*

В статье рассматриваются различные подходы философов XX в. к проблеме соотношения понятийного и рационального мышления. Отчетливо проявляется оппозиция реалистических и номиналистских подходов в рамках рационализма. Последовательная реализация номиналистской парадигмы приводит к элиминированию понятия, оставляя за пределами рассмотрения не только проблематику формирования понятийного мышления и образования понятий, но и проблему интерсубъективности понятий естественного языка.

Ключевые слова: понятие, эпистемология, рациональное, рационализм, мышление, номинализм, реализм.

The correlation between rational and conceptual reasoning in philosophy of science in the XX century

D. V. VLASOV

(MOSCOW STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS, STATISTICS AND INFORMATICS)

The article addresses various philosophical approaches in the XX century to the problem of correlation between the rational and conceptual reasoning. There is an evident opposition between the realistic and nominalistic approaches in rationalism. Continuous adoption of the nominalistic paradigm eliminates the notion leaving out of scope not only problems of conceptual reasoning formation but also the problem of language notion intersubjectivity.

Keywords: concept, epistemology, rationality, rationalism, thinking, nominalism, realism.

Согласно позиции классического рационализма исходной единицей, «кирпичиком» рационального познания является понятие. Понятие — одна из универсальных, узловых категорий, связывающих воедино такие разнородные сферы научного дискурса, как философия и методология научного познания, исследования человеческого мышления, языка, коммуникации. По сути, мышление в понятиях отождествляется с рациональным мышлением.

Вопрос о природе понятия не только является одним из центральных вопросов эпистемологии, но и имеет высокую актуальность в контексте таких наук, как психология, лингвистика, культурология, коммуникативистика, антропология и др. Л. С. Выготский назвал понятие «высшим знаком из всех, которые создало человеческое мышление» (Выготский, 1982: 227). Нельзя не согласиться и с мнением С. И. Терентьева

о том, что разработка проблематики понятия «тесно связана с вопросом о специфике самого человека как особого существа, поскольку принципиальное его отличие от животных состоит именно в способности оперировать понятиями. Следовательно, отвечая на вопрос о специфике понятия, мы одновременно добавляем важный компонент в наше знание о человеке» (Терентьев, 2004: 8).

Однако в ходе исторического развития идеиного наследия классического рационализма эпистемические функции понятия были существенно переосмыслены. При этом решающую роль сыграла проблема универсалий. Если в рамках реалистических подходов понятия по-прежнему рассматривались как идеальные структуры, отображающие закономерные связи и отношения реально существующих объектов и свойств материального мира, то представители номиналистских подходов в теории познания стали

* Власов Денис Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной информатики в экономике Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ). Тел.: (495) 442-80-98. Эл. адрес: denisvlasov@yandex.ru

рассматривать понятия как фикции второго порядка, оспаривая целесообразность их использования в научном познании. Так, представители аналитической философии, являясь, несомненно, последователями рационализма, по сути, элиминировали категорию понятия из своей эпистемологии.

Уже традиционная интуитивная трактовка рационального как разумно-рассудочного имплицирует, с одной стороны, существование объективной опоры разума в виде системы общезначимых научных истин, с другой стороны, операционально-деятельностную трактовку рационального мышления как мышления, опирающегося на систему «правильных» (логически или математически корректных) рассуждений, измерений, расчетов, с чем связано представление точных наук в качестве эталона рационального.

На первом из этих двух допущений основана концепция человеческого знания, согласно которой понятия, в которых это знание запечатлевается, выступают как абстрактные структуры, фиксирующие общие (то есть повторяющиеся в предметах) и существенные (т. е. отражающие системные характеристики предмета) признаки, благодаря чему понятие выступает как структура не только изоморфная отображаемому фрагменту реальности, но и неявным образом (через систему существенных признаков) отображающая и структуру универсума.

С данной трактовкой понятия связана методологическая установка, согласно которой понятия должны быть точным и строгим образом определены как относительно своего объема, так и относительно своего содержания; соответствующие им выражения должны отвечать принципу однозначности, и в целом язык науки, призванный выражать сетку понятий, не допускает метафорического использования терминов, как и любых неясных и двусмысленных выражений.

Второе допущение получило классическое выражение в лейбницевском проекте построений универсального научного языка как рационального исчисления. Последовательной реализацией этого проекта заня-

лись представители Венского кружка, что в конечном счете привело к элиминированию категории понятия из эпистемологического и гносеологического дискурса.

Таким образом, уже концептуальное ядро классического рационализма скрывало в себе зерно разделения на две логически несовместимые парадигмы: с одной стороны, реалистическую парадигму, в рамках которой только и может раскрываться категория понятия, с другой стороны, номиналистскую парадигму, последовательное развитие которой (как мы видим это, в частности, у Г. Фреге, Б. Рассела, Р. Карнапа) приводит к элиминированию понятия, полностью оставляя за рамками рассмотрения проблематику формирования понятийного мышления, образования понятий, их эпистемологических функций, а также всю герменевтическую проблематику понимания, связанную с интерсубъективной природой гуманитарного знания.

Между тем сам рационализм как познавательная парадигма в философии науки XX в. стал предметом критического анализа в самих своих основах. Широкая критика научной рациональности была развернута такими учеными, как А. Пуанкаре, К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, Дж. Агасси, П. Фейербенд, в результате чего классические представления о понятии как центральном элементе рационального также претерпели серьезные трансформации.

А. Пуанкаре, заняв последовательно реалистическую позицию, в то же время существенно расширил представление о рациональном познании, включив в это понятие «интуитивное познание математических объектов, родственное эстетическому созерцанию» (Пуанкаре, 1989: 411), причем способность к такому познанию он отнес к области подсознательного. С идеей интуитивного познания тесно связано учение А. Пуанкаре о конвенциональной природе научных понятий, которые трактуются им как результат формализации интуитивных идей.

Коренное отличие данного подхода А. Пуанкаре от эмпиризма представителей Венского кружка состоит в том, что, во-первых,

А. Пуанкаре источником знаний считает объективную реальность, данную нам в интуитивном постижении, в то время как эмпиристы последним источником знания считают опыт, не ставя вопрос о том, что стоит за опытом. Во-вторых, с точки зрения А. Пуанкаре, понятийно-теоретическое оформление знания, полученного посредством интуиции, имеет конвенциональную природу, что позволяет одну и ту же интуитивно ясную идею выразить в понятии различным образом. С точки же зрения представителей логического позитивизма, формальный язык есть точное отображение структуры опыта, что позволяет однозначным образом представлять в этом языке данные опыта.

Против конвенционализма резко выступили постпозитивисты — К. Поппер, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Дж. Агасси. Пафос их исследований был связан с поиском реальных оснований и внутренних механизмов развития научного знания, поэтому их не устраивал взгляд на теории как на результат произвольных соглашений, ведь такой взгляд снимает вопрос о происхождении теорий, причинах смены одной теории другой, движущих силах развития науки в целом.

К. Поппер, а за ним и И. Лакатос, сделавшие объектом своего исследования процессы роста научного знания и в то же время стремящиеся оставаться в русле рационализма, по сути, изменили предмет изучения рационального. Если в классическом понимании рациональное ассоциировалось с логически корректными мыслительными процедурами, используемыми в рамках теории (правильным образованием и использованием понятий, правильной дедукцией и индукцией и т. д.), то для К. Поппера и И. Лакатоса рациональное проявляется в сфере метарассуждений, касающихся выбора, развития, изменения или смены теории. Дж. Агасси, дополнивший концепцию К. Поппера понятием конструктивного диспута, связал понятие рациональности с наличием позитивной практической цели, придав данной версии рационализма pragmatistский характер.

В отличие от представителей критического рационализма Т. Кун сконцентрировал свое внимание не на этапах смены научных парадигм, а на изучении внутреннего развития и структуры парадигмы на этапе ее доминирования. В этом смысле Т. Кун в своей трактовке рационального как качества научного познания, по сути, возвращается к классическому пониманию рационального.

Рационалистическая установка С. Тулмина проявилась в стремлении рационально объяснить процессы развития науки, в том числе на этапах научных революций. Свое понимание рационального он связал в первую очередь с деятельностью наблюдателя, изучающего и объясняющего процесс развития научного знания. Рациональность же самого научного познания он интерпретирует как доступность рациональному познанию со стороны наблюдателя, возможность рациональной реконструкции, базирующуюся на законосообразности. Понятия и теории в рамках системы С. Тулмина выступают как объекты естественного происхождения, поведение которых подчиняется объективным закономерностям, поддающимся рациональному познанию и опирающимися на законы психологии и социологии.

Особое место в системе постпозитивистских подходов занял подход П. Фейерабенда. Несмотря на его несомненную принадлежность к традиции постпозитивистского дискурса, его идеи лежат в русле философского иррационализма, идущего от немецкого романтизма и Ф. Ницше. Рассматривая науку как один из идеологических институтов в одном ряду с мифом, религией, искусством, П. Фейерабенд трактует научную рациональность как совокупность образцов, норм и правил, образующих специфику этого института, состоящую в доминировании «жестких принципов функционирования научного мышления» (Фейерабенд, 1986: 450). Стандарты, принятые участниками данной традиции, становятся «объективной мерой превосходства», в результате получаются «объективные рациональные стандарты и аргументы, обосновывающие их значимость» (Фейерабенд, 1986:

493). Приняв классическое определение рационального, П. Фейерабенд вместе с тем девальвирует рациональное познание, ставя его в один ряд с мифологией, религией, мистицизмом, массовой информацией, пропагандой, другими формами идеологии, тем самым лишая их ценностной уникальности.

В целом философия науки постпозитивизма демонстрирует два типа трудностей, связанных с трактовкой рационального. Представители критического рационализма К. Поппер и И. Лакатос, признавая в качестве объективного критерия рационального понятийно-логический аппарат науки, фактически ориентируются на изучение прагматических аспектов научного познания, не связанных с использованием этого аппарата. С другой стороны, П. Фейерабенд, С. Тулмин, Т. Кун, Р. Рорти и другие «антиплатоники» не скрывают свою прагматическую ориентацию в исследованиях научного познания, но результатом ее последовательной реализации становится отказ от признания каких-либо объективных критериев рационального, что приводит к размытию самого понятия рационального.

Для второй половины XX века характерно включение проблематики рационального в контекст коммуникативистской и социокультурной проблематики. Тенденции к такой трактовке рационального наметились уже у У. Джемса, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Э. Гуссерля, А. Витгенштейна, Г. Башляра.

Релятивизация представлений о рациональном получила отражение в возникновении большого числа неклассических логик. В отечественной философии вторая половина XX в. также ознаменовалась усложнением и пересмотром классического подхода к трактовке рационального, расширением этого подхода путем включения в понятие рационального аксиологических, телеологических и прагматических аспектов. При таком подходе наука утрачивает монополию на рациональность, в связи с чем приобретает актуальность проблема анализа различных форм духовной деятельности, в том числе мифа, религии, морали, искусства, других

форм неосознанного, личностного, неявного знания, архетипов коллективного бессознательного в познавательной деятельности.

В целом категория рационального претерпела значительную эволюцию, в основе которой лежат объективные процессы развития человеческого познания. В связи с этим неизбежным становится и переосмысление традиционной трактовки понятия как формы мысли, выражающей квинтэссенцию рационального мышления.

В контексте классической доктрины рационализма понятие выступает как одна из форм абстрактного мышления, отражающая сущность объективных явлений, не доступную ощущениям, восприятиям и представлениям. В контексте позитивистско-сциентистского типа рациональности с характерным для него тяготением к номинализму понятие утрачивает свою значимость, его функции сводятся к именованию, понятие подменяется именем. Очевидно, что такая трактовка понятия, а также попытки реанимировать архаичную модель понятия, соответствующую рационализму картезианского типа, не отвечают состоянию современного коммуникативно-герменевтического типа рациональности, в контексте которого понятие, оставаясь необходимым атрибутом рационального, приобретает новые функции и новые формы существования. Сохраняя связь с традиционной логической основой мышления, оно вместе с тем обогащается новыми аспектами, связанными с категориями человеческой свободы, ценности, действия, целеполагания, понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский, Л. С. (1982) Мышление и речь // Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М. : Педагогика.
- Пуанкаре, А. (1989) Ценность науки. Математические науки // Пуанкаре А. О науке / под ред. Л. С. Понtryгина. М. : Наука.
- Терентьев, С. И. (2004) Интерсубъективная природа понятий : дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары.
- Фейерабенд, П. (1986) Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс.